

ВСТРЕЧИ С КИРИЛЛОМ ПАВЛОВИЧЕМ ФЛОРЕНСКИМ

В.С.Неаполитанская

Впервые я увидела Кирилла Павловича Флоренского осенью 1935 г. в Биогеле в лабораторной комнате Александра Михайловича Симорина. Тогда ему было 20 лет, а выглядел он мальчиком, скромным и молчаливым. Александр Михайлович любовно называл его «Кирочкой», а биогельские сотрудницы ласково «мальчишкой». Я приходила к ним в лабораторию по приглашению А.М.Симорина «лечиться» от нападавшей на меня «хандры».

Как сейчас вижу большую светлую комнату с двумя итальянскими окнами, разделенную химическими шкафами, стоящими поперек нее. В левой от двери, меньшей части комнаты, за шкафами работал Л.С.Селиванов. В правой — у окна стоял письменный стол Симорина и его стул, а рядом — высокий табурет для посетителей. У противоположной стены около двери — большой лабораторный стол Кирилла Павловича.

Я приходила, здоровалась и усаживалась на табурет, а Симорин весело начинал что-нибудь рассказывать, как бы обращаясь ко всем нам. Иногда он говорил о звездах, планетах, мироздании, в другой раз — о музыке, которая, казалось, заполняла звуками всю комнату. Но в конце концов темой наших бесед стал Владимир Иванович Вернадский. Симорин бывал у него дома и до нас доносил отзвуки их душевных разговоров о странной загадке жизни, о непроходимой грани между живой и косной материей, а главное — о духовной жизни человека и неиссякаемых ее возможностях. Рассказ продолжался минут 15–20, потом я уходила. С Кириллом Павловичем за это время не обменивалась ни одним словом. Но эти молчаливые минуты как бы связали нас на всю жизнь.

В октябре 1936 г., придя как-то на работу я узнала страшную новость.

Этой ночью был арестован Симорин. Подробностей никто не знал, да тогда и не принято было говорить об арестах вслух. Прошло 12 лет. С марта 1944 г. я работала в Биогеле, решив в будущем посвятить свою жизнь пропаганде идей и творчества В.И.Вернадского. Я стала помогать

А.Д.Шаховской (секретарю В.И.Вернадского) в организации Кабинета-музея В.И.Вернадского и в подготовке к печати его трудов. Вот тут-то, в 1948 г., мы и встретились снова с К.П.Флоренским. Встретились как старые друзья и единомышленники.

Кирилл Павлович пришел однажды в комнату, где работала Шаховская (тут же была и я), и, как всегда мягко улыбаясь, поздоровался и спросил: «Я хотел бы знать — в каком положении сейчас подготовка к печати работ Владимира Ивановича, и чем я могу быть полезен?»

Так началась наша совместная работа. До его прихода Анна Дмитриевна часто мне рассказывала о К.П. Флоренском. Как горячо его любил В.И.Вернадский и как высоко ценил его «исключительную одаренность». Когда К.П.Флоренский оказался на фронте, В.И.Вернадский много хлопотал о его возвращении к научной работе. В письме к президенту Академии наук В.Л.Комарову он называет Флоренского «исключительно талантливым экспериментатором». В письме к академику-секретарю Н.Г.Бруевичу он писал: «На протяжении моей более чем 60-летней научной деятельности я встречал только 2–3 человека такого калибра» (письмо от 21.XII.44 г.). Он мечтал о совместной с Кириллом Павловичем научной работе над живым веществом. Мечты не сбылись... Теперь К.П.Флоренскому предстояла почетная миссия популяризации идей и трудов его великого учителя. Кирилл Павлович стал часто приходить в Музей.

А.Д.Шаховская в это время очень беспокоилась о судьбе рукописи В.И.Вернадского «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». После официального запроса президента Академии наук академика А.Н.Несмеянова началась подготовка ее к печати. Надо сказать, что в те годы Кабинет-музей никогда не пустовал. Слишком многие ощущали боль утраты Владимира Ивановича и приходили, чтобы предложить свою помощь в издательской работе.

Таким образом составила группа «добровольцев» из профессора В.И.Баранова, А.Д.Шаховской, К.П.Флоренского, Ю.П.Трусова и меня. Баранов

взял на себя общее руководство в качестве ответственного редактора, Кирилл Павлович и Анна Дмитриевна составляли научные комментарии, Ю.П.Трусов — философские, а я сверяла отпечатанные тексты с подлинниками, хранящимися в Архиве Академии наук СССР. Флоренский же написал и предисловие, назвав его «От редактора», хотя весь текст был написан только им одним. Во втором издании книги В.И.Вернадского (1983 г.) эта ошибка была исправлена, и имя К.П.Флоренского по праву стоит под написанным им предисловием.

Меня радовало и поражало беспокойство Кирилла Павловича о том, чтобы будущий читатель правильно понял мысли Вернадского; в предисловии он написал: «Понятия, вложенные им [В.И.Вернадским. — *В.Н.*] в определенные слова, часто имеют очень широкое, более широкое, чем это обычно принято, значение и поэтому <...> цитировать и интерпретировать В.И.Вернадского с критической оценкой отдельных выражений надо с большой осторожностью, чтобы не подменить мысль автора собственными домыслами». Ответственный редактор 2-го издания профессор А.А.Ярошевский в своем предисловии дал высокую оценку тщательности и такту, с которыми трудился Кирилл Павлович над предисловием и комментариями к 1-му изданию.

К концу 1960 г. рукопись подготовили и, по предложению академика А.Л.Яншина, она должна была быть издана в известной серии «Классики науки». Казалось — лучшего не придумаешь! Но тут произошел не предвиденный нами «академический казус». Повез сдавать книгу Кирилл Павлович, прихватив с собой меня. Редколлегия собралась представительная: председатель — академик И.Г.Петровский (ректор МГУ), ученый секретарь Д.В.Ознобишин и еще три профессора — члены редколлегии. Кирилл Павлович изложил содержание монографии, отметил ее значение как обобщающего научного труда жизни великого ученого. Все приветливо улыбались. Но вдруг проф. Зубов спрашивает: «А где эта работа была опубликована ранее?» Отвечаем: «Нигде! Вы будете первыми!» — «Тогда формально мы не имеем права ее публиковать!» Поставили на голосование. Два голоса (Петровский и

Ознобишин) за публикацию, трое других — против. Так мы и уехали ни с чем, увозя обратно рукопись. В конце концов, эта книга была опубликована в 1965 г. по издательскому плану ГЕОХИ, благодаря мягкой настойчивости К.П.Флоренского. К этому времени А.Д.Шаховская уже умерла, а я ушла на пенсию.

Такая же, но еще более печальная участь постигла до этого шестой том «Избранных сочинений» В.И.Вернадского. При обсуждении содержания этого тома Кирилл Павлович предложил разделить его на две книги: в первой — работы по истории науки, во второй — поместить исследование «Научная мысль как планетное явление» и другие материалы философского содержания. Тогда весь шеститомник в целом отразит многогранность и эрудицию автора не только в науках о Земле, но также и в науках исторических и в философии. Идея К.П.Флоренского всем показалась правильной. Довольно быстро мы подобрали материалы для обеих книг, договорились с академиком А.Л.Яншиным, что он возьмет на себя редактирование всего тома. Дело оставалось за небольшим — передать все собранное в машинописное бюро и оплатить работу по перепечатке. Однако денег на это не нашлось. Так и остался шестой том «Избранных сочинений» В.И.Вернадского неопубликованным. А.Д.Шаховская была огорчена этой неудачей. В 1956 г. она ушла на пенсию, передав мне материалы по изданию трудов В.И.Вернадского.

Наша группа по-прежнему много времени проводила в комнате при Музее. В середине 1960 года В.И.Баранов предложил нам оформить наше содружество как «Кружок В.И.Вернадского» при Музее, составить план работы и пригласить для участия в нем всех желающих. Эффект получился неожиданный. На наш кружок стали собираться крупнейшие ученые Москвы и Ленинграда: академики Д.И.Щербаков, Н.С.Шатский, Н.В.Белов и многие другие. Заседания кружка проводились уже в конференц-зале ГЕОХИ.

6 января 1961 г., в день смерти Владимира Ивановича, заседание было посвящено воспоминаниям о нем тех, кому посчастливилось его знать. С большой теплотой выступил Кирилл Павлович. Рассказывал он о своей работе с

Владимиром Ивановичем, с которым незадолго до начала войны он начал интересные экспериментальные исследования в качестве личного лаборанта. Читал он нам отрывки из писем, которые В.И.Вернадский писал ему на фронт. Эти письма, по словам Кирилла Павловича, доставляли ему огромную радость. Он забывал, что находится в окопах Сталинграда и полностью переключался на те научные проблемы, о которых ему писал его учитель. Рассказывал он, как трогательно В.И.Вернадский заботился в эти годы о его жене и дочке, помогая им материально и поддерживая духовно. Это было прекрасное, вдохновенное выступление. Лучшее из всех.

В 1962 г., после выхода на пенсию, я по предложению друга В.И.Вернадского профессора Б.Л.Личкова занялась вместе с ним подготовкой к печати его обширной переписки с Владимиром Ивановичем. По любезному приглашению директора Архива АН СССР профессора Б.В.Левшина попутно с «Перепиской» я занялась просмотром неопубликованных рукописей трудов В.И.Вернадского, расшифровкой их и переводом на машинопись. В Архиве я познакомилась с И.И.Мочаловым (сотрудником ИИЕТ АН СССР) и М.С.Бастраковой.

Я рассказала им о неудаче с шестым томом «Избранных сочинений» В.И.Вернадского. Мы связались с Кириллом Павловичем и совместно решили готовить к печати расширенные материалы этого тома и издавать их от лица Архива и ИИЕТ АН СССР. Тут снова главным «мозговым и духовным центром» стал К.П.Флоренский. Возглавил нашу работу академик Б.М.Кедров, который стал председателем редколлегии. Кирилл Павлович после рабочего дня в ГЕОХИ приходил вечерами к нам в Архив, и мы всей группой разбирали каждое слово, каждую фразу в рукописях Владимира Ивановича, стараясь прежде всего понять логику мысли автора.

Меня удивляла спокойная мягкая осторожность, с которой подходил к работе Кирилл Павлович. Лучше всех нас он знал труды В.И.Вернадского, лучше всех понимал ход его мысли и внутренний мир. Одновременно лучше всех нас оценивал окружающую политическую обстановку, лучше всех

понимал «что можно, а что нельзя», что пройдет под недремлющим оком цензуры, а что нам «срежут». Иногда казалось, что Кирилл Павлович слишком осторожничает, слишком как бы извиняется за ход мысли В.И.Вернадского.

Теперь, из дали времен, я вижу, что К.П.Флоренский был прав в своей тактике, и думаю, что главным образом благодаря его уму и такту, а также авторитетной настойчивости Б.М.Кедрова, вышли в свет «Размышления натуралиста» в двух книгах (М.: Наука, 1975, 1977). После «Химического строения...» это были первые попытки пробить глухую стену недоброжелательства и чинимых препятствий.

Параллельно с работой над «Размышлениями натуралиста» К.П.Флоренский предложил подготовить к печати несколько отрывков из большого труда В.И.Вернадского «Живое вещество», состоящего из 15 папок необработанного автором текста (фонд 518, оп. 1, ед. хр. 20–22, 36–43, 49, 50, 53, 58). Поскольку «живое вещество» было для В.И.Вернадского, начиная с 1916 г. и до конца дней, главным предметом его изучения, Кирилл Павлович решил выбрать из этих папок наиболее законченные части и опубликовать их под названием «Живое вещество».

В предисловии к книге он дает глубокий анализ метода научной работы В.И.Вернадского и отмечает, что «В постановке проблем он [В.И.Вернадский. — *В.Н.*] исходит не только из единства природы, но и из единства коллективного человеческого сознания. <...> Он стремится найти самые истоки зарождения научного сознания». Книга вышла под грифом Архива АН СССР (М.: Наука, 1978). Так же, под грифом Архива, мы опубликовали и подготовленную мною «Переписку В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым» в двух книгах (М.: Наука, 1979, 1980). В послесловии, написанном Кириллом Павловичем, мы читаем его размышления о научном подвиге В.И.Вернадского: «<...> постоянное стремление к четкому выделению достоверного знания для В.И.Вернадского оказалось необычайно плодотворным <...> Его глубокие прогнозы дальнейшего развития науки почти полностью оправдались и оправдываются в наши дни».

Знакомясь в Архиве с фондом В.И.Вернадского, мы все пришли к единодушному решению, что наших скромных сил слишком мало для последующей серьезной работы, что необходимо подумать о создании компетентной комиссии по изучению идей, творчества и всего наследия, оставшегося после В.И.Вернадского. Нам представлялось, что комиссия должна в основном состоять из таких же «рабочих лошадок», какими были мы, а не только торжественно заседать.

По инициативе нашего общего единомышленника, медика, профессора А.В.Быховского в 1979 г. при Научном совете АН СССР по комплексной проблеме «Философские и социальные проблемы науки и техники» была создана Экспертная группа по наследию В.И.Вернадского под председательством К.П.Флоренского. А несколько позже, 15 октября 1981 г., на заседании Бюро Отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР была воссоздана Комиссия по разработке научного наследия В.И.Вернадского под председательством академика Б.С.Соколова (в 1975 г. первая Комиссия, организованная еще в 1945 г., прекратила свое существование).

Это была чудесная пора осуществления наших давно задуманных планов. В первый состав Комиссии, в частности, входили наши энтузиасты: Г.П.Аксенов, М.С.Бастракова, А.В.Быховский, Н.А.Кардаков, И.И.Мочалов, А.Г.Назаров, И.А.Тугаринов (секретарь Комиссии) и К.П.Флоренский. Была разработана широкая программа работ в связи с предстоявшим в 1983 году 120-летним юбилеем В.И.Вернадского.

К тому времени я снова вернулась в Кабинет-музей В.И.Вернадского, где стала работать на общественных началах. Заведующей музеем в это время была С.В.Ренц, которая очень обрадовалась, что я сняла с нее часть работы по Музею. Здесь мои контакты с Кириллом Павловичем стали еще более тесными. Я была знакома с его женой Зинаидой Сергеевной. Мы симпатизировали друг другу и часто беседовали по душам.

Сам Кирилл Павлович был очень немногословен. Иногда он приходил ко мне в комнату при Музее просто, как он говорил, чтобы отдохнуть в тишине и

покое. Много мы говорили тогда о В.И.Вернадском, которого Кирилл Павлович любил так же горячо, как родного отца. Любил за отзывчивость, тонкость чувств, деликатность и доброту.

Запомнились мне рассуждения Кирилла Павловича об одной мысли В.И.Вернадского, изложенной в «Химическом строении...» на с. 26: «Выводы геологии не менее важны для планетной астрономии, чем выводы этой последней для геологии <...>. Астроном должен считаться с современными выводами геолога и вносить поправки в свои заключения, которые могут в целом ряде случаев менять коренным образом выводы планетной астрономии». Не эти ли слова учителя послужили для его ученика стимулом к созданию Лаборатории сравнительной планетологии?

Вернувшись с фронта, К.П.Флоренский с 1946 по 1960 г. занимался природными газами Сибири, участвовал в работах по изучению устойчивости строительных материалов по отношению к агентам выветривания (соборы Владимира, Суздаля и Юрьева-Польского), проводил полевые работы на Камчатке и занимался поисками Тунгусского метеорита (какая разнообразная гамма занятий и интересов!)..., получая при этом мизерную зарплату младшего научного сотрудника. При наличии жены и трех детей! Жили Флоренские в те годы за городом, кажется, на станции Щербинка, в неблагоустроенной халупе без удобств. Даже воду приходилось носить из колодца. На мой взгляд, все это очень отразилось на моральном состоянии Кирилла Павловича.

Наконец, в 1958 г. К.П.Флоренский подготовил и с блеском защитил кандидатскую диссертацию по проблемам газоносности Сибирской платформы. Его оппоненты настолько высоко оценили работу, что предложили ему дописать еще две главы и представить ее к присуждению степени доктора наук. На написание этих глав потребовалось бы два месяца. Однако времени для этого не нашлось... Так и остался К.П.Флоренский до конца дней кандидатом наук, хотя, по мнению многих моих авторитетных друзей, считался в ГЕОХИ ученым номер один. Вскоре он занялся совсем другими проблемами и к газам Сибирской платформы более не возвращался.

Как-то, когда я еще работала в Архиве, пришел ко мне Кирилл Павлович и радостно сообщил, что академик Г.И.Петров (директор только что организованного Института космических исследований — ИКИ) приглашает его перейти на работу в ИКИ. Там в 1967 г. К.П. Флоренский создал давно задуманную им Лабораторию сравнительной планетологии, подобрал коллектив молодых талантливых сотрудников и развернул большую творческую работу по изучению планет Солнечной системы.

Здесь кстати будет рассказать об одной «ошибке» В.И.Вернадского. Хлопоча о возвращении К.П.Флоренского из армии для научной работы, в вышеуказанном письме Н.Г.Бруевичу от 21.XII.44 г. Владимир Иванович писал: «Флоренский-сержант теряется в массе, Флоренский-ученый драгоценная единица для нашего ближайшего будущего».

Так вот, будучи сержантом, Флоренский в массе не затерялся. В своей гвардейской части он был разведчиком, т. е. определял место, куда надо направить артиллерийский снаряд. Как-то в их часть приехал маршал К.К.Рокоссовский... Много лет спустя Кирилл Павлович (по его рассказам) встретился с маршалом на заседании Моссовета, подошел к нему и, улыбаясь, сказал: «Здравствуйте, Константин Константинович! Вы меня не узнаете?» Рокоссовский долго в него вглядывался. — «Стоп! — воскликнул он наконец, — такой-то фронт, такая-то часть, разведчик Флоренский!»

Качества «разведчика»годились Кириллу Павловичу и в его творческой работе по изучению планет. Ему обычно доверялось определять место посадки наших космических аппаратов на планеты. Семь лет работы в ИКИ были счастливыми и плодотворными в жизни К.П.Флоренского. В 1975 г. в связи с передачей научной тематики Лаборатория сравнительной планетологии была переведена из ИКИ в ГЕОХИ. Кирилл Павлович к этому времени стал часто прихварывать, нехотя лечился. По-прежнему иногда заходил он ко мне в Музей, а когда в 1976 г. в кабинете Владимира Ивановича начался ремонт помещения, и мне пришлось паковать книги и вещи и

переносить их во временное помещение, моими главными помощниками были сотрудники его лаборатории.

Как-то в те годы я неожиданно узнала, что Кирилл Павлович — страстный охотник. Для меня это было так странно, так не вязалось с его смиренной внешностью и с духовным миром, который, мне казалось, я знала, что я решилась на провокацию. В первый же раз, как он ко мне зашел, я почти сразу его спросила: «Кирилл Павлович, а как вы относитесь к религии?» Очень тихо, но очень твердо он ответил: «Я — христианин». — «А как же это у вас увязывается со страстью к охоте?» Лицо Кирилла Павловича вдруг осветилось озорной мальчишеской улыбкой: «Азарт! Валентина Сергеевна, в этот момент обо всем забываешь! А главное — чувствуешь себя самой природой!»

Это, пожалуй, и все, что я запомнила из моих встреч с этим самым последним, самым молодым, одним из самых одаренных и самых любимых учеников Владимира Ивановича Вернадского.